

Круглый стол
УДК 327
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/73-84>

Трансграничные регионы Дальнего Востока

Ярослав Александрович Барбенко
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, prohist@ya.ru
Леонид Ефимович Бляхер
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, Leonid743342@mail.ru
Александр Николаевич Демьяненко
Хабаровск, Россия, e-mail: ad716008@mail.com
Антон Александрович Киреев
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, antalkir@yandex.ru
Эльвира Октавьевна Леонтьева
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, elvira.leontyeva@gmail.com
Наталья Васильевна Мишина
Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток, Россия, mishina@tig.dvo.ru
Вадим Николаевич Украинский
Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, ukrainsky@ecrin.ru
Илдус Файзрахманович Ярулин
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, iarulin@mail.ru

Ключевые слова: трансграничность, трансграничные регионы, Дальний Восток России, Северо-Восточный Китай

Для цитирования: Барбенко Я. А., Бляхер Л. Е., Демьяненко А. Н., Киреев А. А., Леонтьева Э. О., Мишина Н. В., Украинский В. Н., Ярулин И. Ф. Трансграничные регионы Дальнего Востока // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 3. С. 73–84. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/73-84>

Round Table
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/73-84>

Transborder regions of the Far East

Yaroslav A. Barbenko
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, prohist@ya.ru
Leonid E. Blyakher
Pacific State University, Khabarovsk, Russia, Leonid743342@mail.ru
Alexander N. Demyanenko
Khabarovsk, Russia, ad716008@mail.com
Anton A. Kireev
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, antalkir@yandex.ru
Elvira O. Leontyeva
Pacific State University, Khabarovsk, Russia, elvira.leontyeva@gmail.com
Natalya V. Mishina
Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russia, mishina@tig.dvo.ru
Vadim N. Ukrainsky
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia, ukrainsky@ecrin.ru
Ildus F. Yarulin
Pacific State University, Khabarovsk, Russia, iarulin@mail.ru

Key words: transbordermess, transborder regions, Russian Far East, Northeast China

For citation: Barbenko Ya. A., Blyakher L. E., Demyanenko A. N., Kireev A. A., Leontyeva E. O., Mishina N. V., Ukrainskiy V. N., Yarulin I. F. Transborder regions of the Far East // Ojkumena. Regional researches. 2023. № 3. P. 73–84. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-3/73-84>

В конце прошлого 2022 г. был опубликован препринт "Российско-китайское сотрудничество: региональное измерение"¹, а вслед за ним статья "Опыт междисциплинарного исследования трансграничного региона: Даль-

¹ Демьяненко А.Н., Ярулин И.Ф., Бурик М.В., Клиценко М.В. Российско-китайское сотрудничество в новых реалиях: региональное измерение: препринт научного доклада. М.: Институт Китая и современной Азии. 70 с.

ний Восток России – Северо-Восточный Китай"², в которых была предпринята попытка осмысления российско-китайского сотрудничества в регионе "Дальний Восток России – Северо-Восточный Китай". По понятным причинам не все заявленные в этих публикациях сюжеты получили должное освещение. В частности, были только намечены вопросы, которые можно подвести под рубрику "Дальний Восток: геополитические вызовы и угрозы"; только обозначенными оказались и вопросы методологии исследования трансграничных регионов; остались не рассмотрены и процессы трансграничной регионализации за пределами региона "Дальний Восток России – Северо-Восточный Китай" (ДВР-СВК). Поэтому на круглый стол "Трансграничные регионы Дальнего Востока", состоявшийся 19 мая 2023 г. в Тихоокеанском государственном университете (ТОГУ), в работе которого приняли участие исследователи из академических институтов и ВУЗов Хабаровска и Владивостока, и были вынесены упомянутые вопросы.

Демьяненко А.Н.: Если вы позволите, я сделаю небольшое вступление. Что мне представляется важным? Для начала следует определить с тем, что есть Дальний Восток (ДВ): макрорегион, геостратегическая территория или что-то еще? Может быть это – "просто" регион, первого уровня делимитации российских пространств. При этом регион – сложная пространственная система, которая не сводима к той или иной единице АТД, но, опираясь на "прочную физико-географическую основу", может быть представлена как ансамбль пространств: природного, экономического, социального, политического, то есть прежде всего (но не исключительно) как социальный конструкт. Но этот социальный конструкт не висит в безвоздушном пространстве: он тем или иным образом связан с конкретной территорией. Конечно, при желании мы можем абстрагироваться от территории и сосредоточить внимание на регионе, как социальном конструкте. Однако в нашем случае речь идет не о трансграничных регионах вообще, а о трансграничных регионах ДВ, и нам придется не упускать из виду территорию как в природном, так и в социально-экономическом и этнокультурном аспектах.

Понятно, что, рассуждая о трансграничных регионах Дальнего Востока, нужно учитывать, что мы имеем дело со сложными системами. Поэтому конфигурация границ этих пространственных систем находится в состоянии постоянных изменений. Более того, возникают ситуации, когда трансграничность как таковая просто исчезает. Поэтому искать здесь какие-то раз и навсегда заданные границы трансграничных регионов не представляется возможным. Это первое. Второе – изменчивы не только конфигурации границ, но и формы взаимоотношений в рамках трансграничности. Следовательно, в разные исторические периоды мы будем иметь разные конфигурации и содержание.

Но в общем, на всех этапах развития Дальнего Востока и трансграничных территорий в его пределах было то, что Дальний Восток представлял своего рода геополитический узел. И так до настоящего времени. То есть хотим мы этого или нет, но развитие Дальнего Востока всегда находилось под влиянием геополитических факторов. Здесь я бы хотел остановиться, тем более рядом Илдус Файзрахманович Ярулин, который про *геополитические вызовы и угрозы* знает больше, чем я, и может их изложить более компетентно.

Ярулин И.Ф.: В силу определенных обстоятельств Дальний Восток снова становится центром притяжения как научной, так и политической мысли. Происходящие в настоящее время глобальные изменения в системе международных отношений, так и внутристрановые изменения, все чаще подтверждают тезис о том, что важнейшее значение в этих трансформациях играют процессы, связанные с перераспределением роли и значения регионов. Данные процессы приводят к формированию новой конфигурации миропорядка. События в ряде стран Евросоюза, Восточной и Юго-Восточной Азии, связанные с изменением места и роли регионов в государственном устройстве, лишь

² Демьяненко А.Н., Клиценко М.В. Опыт междисциплинарного исследования трансграничного региона: Дальний Восток России – Северо-Восточный Китай // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 80–94.

подтверждают актуальность изучения процессов, происходящих в современном мире.

Провозглашенный в начале 2010-х годов "поворот на Восток" обернулся "недоповоротом", показав трудности и проблемы этого процесса. В то же самое время жизнь подтверждает необходимость продолжения политики дальнейшего углубления интеграции Дальнего Востока в геополитические и геоэкономические процессы, происходящие на Азиатском континенте. Российский Дальний Восток все больше становится объектом особого внимания и активного взаимодействия всех ведущих мировых держав.

Геополитически существенным является широкий спектр вопросов регионального развития. Все это требует дальнейшего изучения геополитического пространства, геополитических границ, угроз и рисков. Важной перспективной задачей является дальнейшая проработка понятий региональной геополитики и разработка того инструментария, который позволит определять геополитический статус регионов и производить классификацию регионов РФ в соответствии с этим статусом. Это позволит обобщить факторы выхода российских регионов на международную арену и оценить влияние регионов на внешнюю политику России.

Геополитика в данном контексте стремительно "регионализуется". Геополитически важным оказывается спектр вопросов регионального развития: от местной идентичности и социально-политической активности до финансово-экономических возможностей территории, ее места в сложившихся отношениях "центр – периферия", значимости трансграничных контактов и зарубежных партнерств. На этом фоне еще рельефнее проявилась геополитическая "особость" отдельных территорий и их группировок.

Пространственное развитие нашей страны становится в этих условиях предельно важной сферой геополитического противостояния; оно же порождает системно значимые геостратегические риски и одновременно выступает стимулом и ресурсом в резко активизировавшейся в контексте СВО геополитическом противостоянии.

У КНР появилась возможность создания относительно монолитного и лояльного громадного пространства, включая собственную территорию, всю Центральную Азию и Россию. Тут в приоритете не столько рынок сбыта (он в мировом масштабе не очень большой), сколько геополитические возможности, а также ресурсы.

Но опять вопрос. Насколько мы в этом плане самостоятельны и насколько это связано с развитием страны в целом? Все вы, наверное, видели и статью А. Ильницкого³, в которой он утверждает, что Дальний Восток не способен развиваться без вхождения в Сибирь или вхождение в него Сибири. Это и выступление Олега Дерипаски, который говорит, что нам нужно создавать какую-то общую территорию: Дальний Восток и Сибирь, но пока мы говорим о Дальнем Востоке. И последнее заявление полпреда о том, что вроде бы дело идет к тому, что на Дальнем Востоке будут действовать свое законодательство, не противоречащее Конституции, на котором будет основана своя система преференций, своя система экономического взаимодействия⁴.

Демьяненко А.Н.: Позвольте маленькую ремарку. С некоторых пор у части экспертного сообщества и даже в академической среде возникло труднообъяснимое желание объединить Сибирь и ДВ. Даже придумали название этому территориальному образованию – Тихоокеанская Сибирь. Правда, не объяснили, зачем всё это?

Ярулин И.Ф.: Наконец, мы видим заявления наших китайских коллег о том, что Амур становится для них началом пути в Арктику. То есть, как мы знаем, Фуюань – это порт, где стоят корабли класса "река-море", и дальше по Амуру выход до Николаевска-на-Амуре, а там уже и до СМП рукой подать.

³ Ильницкий А. Время Больших Решений // Парламентская газета. 2021. 23 сентября.

⁴ Романова Л. Весь Дальний Восток может стать единой территорией опережающего развития // Ведомости. 2022. 22 ноября

Плюс последнее (буквально неделю назад) обращение Правительства Якутии к Китаю о строительстве железной дороги из Якутии в Китай⁵.

Таким образом, формируются новые транспортные узлы, а для того, чтобы говорить о геополитическом регионе, мы должны говорить о развитии транспортной сети. Если нет, то о развитии геополитического региона говорить мы не можем. И то, что мы сейчас наблюдаем, свидетельствует: складывается геополитический, геостратегический, геоэкономический регион.

Мы видим, что возникает все больше вопросов по поводу взаимодействия разных стран и насколько это все будет серьезно. Как нам отнестись к тому, что китайские вооруженные силы будут охранять остров Шпицберген. Это к тому, что Дальний Восток и Арктика вроде бы одна территория и за нее отвечает один человек – вице-премьер Трутнев. Кроме того, что творится сейчас в Арктическом совете, когда семь стран выступают против российского подхода к Арктике, и к ним присоединяется еще целый ряд государств, которые не граничат с Арктикой, но тем не менее очень хотят в этом вопросе поучаствовать.

Уважаемые коллеги из Владивостока, я не знаю, вас поздравить или нет с тем, что Владивосток будет выполнять функцию внутреннего порта КНР. Здесь вопрос о национальной безопасности. И насколько Дальний Восток – это территория, контролируемая Россией? Какие решения будут приняты, пока не знаю.

Демьяненко А.Н.: То есть больше вопросов, чем ответов?

Ярулин И.Ф.: Именно так! И скорее всего, количество вопросов будет только возрастать, уже в силу того, что интерес к российско-китайскому сотрудничеству, а следовательно, и к ДВ стали проявлять не только соседи (США, Япония, Республика Корея), но и такие страны, как Индия, которые соседями вовсе не являются.

Демьяненко А.Н.: А теперь слово нашим коллегам из Владивостока.

Киреев А.А.: Пример РДВ наглядно показывает важность геополитической угрозы как фактора регионогенеза. Далеко не всегда трансграничные регионы формируются и воспроизводятся выбором наиболее экономически выгодного направления сотрудничества. Осознание общих рисков и надежда на их преодоление совместными усилиями генерируют социально-географические общности, по крайней мере, с не меньшим успехом.

Вместе с тем подчеркну, что трансграничные связи могут развиваться под влиянием не только совместного противостояния третьей стороне, но и в условиях противоборства двух сопредельных сторон. Это модель конкурентного со-развития и регионализации двух обществ, встречающихся в одном географическом пространстве и стремящихся организовать его по-своему. Такая модель преобладала в российско-китайском пограничье до 1930-х гг., когда социально-экономические структуры китайской Маньчжурии и российского Дальнего Востока только складывались, сталкиваясь и пересекаясь, стихийно нащупывая линию равновесия своих потенциалов. Лишь после взаимной стабилизации пределов РДВ и Маньчжурии, которую можно считать первой формой их со-развития, появились предпосылки для следующей, кооперативной, формы со-развития этих приграничных регионов и возникновения поверх их границ метарегиональной общности – трансграничной. В российско-японском и российско-американском пограничьях эта стадия формирования приграничных регионов и их пространственной "притирки" в ходе встречно-соперновательной колонизации продолжалась значительно дольше. Судя по устойчивости обоюдных государственных и общественных территориальных претензий, она не вполне исчерпана до сих пор и продолжает блокировать процессы трансграничного регионообразования.

Демьяненко А.Н.: Я надеюсь, что мы еще вернемся к обсуждению трансграничных регионов ДВ, а сейчас слово Эльвире Октавьевне Леонтьевой.

Леонтьева Э.О.: Понятие "геополитических вызовов" в последнее время приобретает явные идеологические коннотации и становится штампом, который часто используется в пропагандистских целях. Поэтому, озадачиваясь

⁵ Пламенев И. Eurasia Review узнало о плане Китая построить железную дорогу в Якутии. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/03/2023/640b597a9a7947af50ed2ad0>

внешними угрозами, надо в первую очередь помнить о том, что самые существенные геополитические вызовы Дальнему Востоку формируются "изнутри" самого региона и в этом смысле являются оборотной стороной его геополитических преимуществ. Это все те, казалось бы, внутренние проблемы, которые делают регион геополитически уязвимым. Большая территория – угроза, так как её надо осваивать, содержать, обеспечивать безопасность – всё это дорого и трудно. Богатые ресурсы – угроза, так как порождают конкуренцию за их освоение и требуют на это значительных средств. Маленькое население – угроза, так как никакие госпрограммы и меры поддержки не останавливают отток населения и не позволяют сформировать на территории Дальнего Востока (за исключением национальных республик) устойчивую социальную общность, обладающую собственной региональной идентичностью. Как бы банально, избито и очевидно это ни звучало, но именно эти угрозы на данный момент, увы, пока что перевешивают внешнеполитические: Дальний Восток – это тот случай, когда размер имеет значение, и именно он определяет все геополитические следствия.

Ярулин И.Ф.: В целом "поворот/разворот на Восток", который в реальности оказывается "поворотом к Китаю", имеет ряд плюсов и минусов. Из плюсов – это дальнейшая политическая нормализация между двумя странами. Из минусов – это сильная торговая зависимость России от Китая. Это не бизнес развития, а бизнес по необходимости.

При этом основным требованием наших контрагентов будет получение от России "особых, привилегированных условий", заключающихся в:

- получении государственных гарантий для инвестиционных сделок, страхующих инвестора от обмана со стороны российского партнёра;
- допуске в стратегические отрасли (порты, добыча полезных ископаемых);
- беспопылинном ввозе оборудования и техники для реализации инвестиционных проектов.

Китай заинтересован в сотрудничестве с Россией, но, конечно, не будет сотрудничать в ущерб себе – как, впрочем, и Россия. Так что российско-китайские отношения – это устойчивая система, в которой оба субъекта необходимы друг другу, учитывают интересы друг друга и не делают того, что противоречило бы этим интересам. Это позволяет с уверенностью смотреть в будущее этих отношений и выстраивать работу с Китаем.

Демьяненко А.Н.: Увы, но в отличие от уважаемого Илдуса Файзрахмановича я не столь оптимистичен в перспективах российско-китайского сотрудничества, и тому есть основания. И эти основания коренятся в том, что и российское, и китайское общества верят и всегда верили в свою уникальность, а уникальность эта опирается на присущую каждому из этих обществ систему ценностей, которые далеко не всегда совпадают.

А теперь попробую очень коротко зафиксировать свою позицию по означенному вопросу: во-первых, геополитические вызовы для ДВ самым непосредственным образом связаны с тем, насколько изменится в ближайшей перспективе место РФ в переформируемом в настоящее время мировом порядке; во-вторых, угрозы связаны с обеспечением не только экономической безопасности, но и безопасности пространственных социально-экономических систем, сложившихся или складывающихся в пределах ДВ, в том числе и трансграничных регионов. И здесь мы плавно переходим ко второму нашему вопросу: **Методологические подходы и аналитические инструменты исследования сотрудничества: региональный аспект.**

Блякхер Л.Е.: Термин "трансграничный" задает по отношению к региону совершенно четкую смысловую рамку. Речь, как представляется, идет о регионе (то есть части территории более или менее четко очерченной), чье существование опосредованно границей. В заданном на "круглом столе" контексте речь идет о политической границе. Иными словам, объектом анализа выступают приграничные регионы. Но далеко не любой приграничный регион выступает частью трансграничья. Последнее предполагает не только наличие с двух сторон от политической границы неких территориальных и социальных образований. Трансграничье предполагает наличие между регионами по обе стороны границы тесной и постоянной коммуникации, опосредованной политической границей. При этом сама коммуникация, хотя и вы-

ступает как структура, заданная политически, может иметь и иную природу. На политическом уровне задаются правила игры, включающие в себя нормы пересечения границы, процедуры взаимной легитимации иностранных акторов на "своей" территории трансграничья и т.д. Однако граница задает еще и "разность условий", переток между которыми выступает в качестве экономических возможностей. Скажем, наличие с одной из сторон ресурсов, в которых заинтересована другая сторона.

Важным моментом формирования трансграничности выступает и культурная составляющая. Достаточно сложно организуется коммуникация по отношению к "онтологическому чужому", социальному агенту с той стороны границы, который воспринимается как враг, конкурент. Здесь значимо создание приемлемого образа другого, помещение его в контекст, который обеспечивает предсказуемость его действий.

И наконец, в качестве последнего по счету, но не по значимости условия выступает наличие относительно удобной логистики, снижающей издержки, связанные с транзакцией, позволяющие активизировать контакты между сообществами по обе стороны границы.

Конечно, соотношение этих параметров не статично. Скажем, огромная экономическая заинтересованность способна преодолеть сложности логистики, породить новые транспортные пути. Политическая заинтересованность может стать основанием для формирования более приемлемого образа другого. Но, как показывает практика последних десятилетий, наличие какого-то одного, доминирующего параметра делает коммуникацию не особенно устойчивой, снижает ее эффективность и в конечном счете выводит территорию из пространства трансграничности.

Демьяненко А.Н.: И если принять, что ДВ – сложная пространственная система (на время оставим в стороне вопрос о том, насколько эта система сформирована), то придется признать, что исследование столь сложной системы предполагает междисциплинарный подход. Но прежде всего следует договориться о словах: "регион", "регионализм" и "регионализация".

Леонтьева Э.О.: Общим местом относительно теории и методологии при обращении практически к любой проблеме является указание на отсутствии единства. В полной степени это относится и к знанию о регионах. Однако в научном дискурсе именно единство, когда оно есть, должно настаивать, а разнообразие быть нормой. То, что в социальных науках отсутствуют единые методологические подходы и аналитические инструменты, следует воспринимать как большое преимущество и возможность свободы исследовательского творчества. Особенно отчетливо это проявляется в региональных исследованиях, в которых пока что нет никакого консенсуса в отношении понятий "регион" и всех его производных.

Однако на пути к этому консенсусу, как мне представляется, есть положительная динамика. Наиболее отчетливо она наметилась в рамках дискуссии о "старом" и "новом" регионализме. Так, концепции "нового" регионализма допускают, что образование регионов – это не только директивный и управляемый процесс "сверху" (например, со стороны политических лидеров, глав государств), но и результат инициатив негосударственных акторов – общественных организаций, или объединений граждан. Таким образом, сам процесс регионообразования можно рассматривать как двух- или многовекторный процесс, причём его результат совсем не предполагает сложения этих векторов – часто каждый из них реализует свой сценарий, и мы можем увидеть в одном пространственном измерении несколько разных региональных конструкций.

Соответственно, рассматривая два вектора "сверху" и "снизу" в отношении Дальнего Востока, мы получаем столько региональных подпространств, сколько исследовательских задач собираемся решать. И трансграничные регионы в структуре Дальнего Востока – как раз тому пример.

Демьяненко А.Н.: Действительно, трудно не согласиться с тем, что существуют разные регионализмы. Был старый, европоцентричный регионализм, который предполагал наличие наднациональных структур, которые обеспечивают прежде всего экономическую интеграцию: открытие границ для потоков, товаров, денег, людей, информации и т.д. Но где-то на рубеже 80-х – 90-х годов прошлого века приходит осознание (и в среде политиков, и в акаде-

мическом сообществе), что "старый" регионализм уже не соответствует новым реалиям. И после упадка интереса к регионализму как таковому, имевшему место в 1970–1980-х годах, на сцене появился "новый" регионализм, который в отличие от "старого" позиционировал себя глобальным, то есть неевропоцентричным, многомерным, включающим как государственных, так и негосударственных акторов во всех больших областях политики, а не только экономической. Наконец, с середины 2010-х годов мы видим вполне оформившееся направление, получившее название "сравнительный" регионализм. Здесь вряд ли уместно детально останавливаться на рассмотрении современного этапа эволюции регионализма. Ограничусь лишь констатацией: сравнительный регионализм предполагает признание зачастую противоположных теоретических и методологических точек зрения. Это – с одной стороны, а с другой – расширение базы сравнения как между регионами, так и областями политики. То есть, фактически говоря о сравнительном регионализме, мы имеем в виду этакий концептуальный зонтик.

Украинский В.Н.: Использование термина "новый регионализм" предполагает определенную степень лукавства в том плане, что соответствующая основа существует веками. Просто он артикулировался в условиях так называемых демократических государств, можно сказать, относительно недавно.

Киреев А.А.: Если признать, что административно-территориальное деление РДВ мало пригодно для описания конфигураций тех трансграничных процессов, в которые он вовлечен, то это ставит вопрос об иных, более достоверных способах идентификации границ трансграничных регионов. Вопрос о методе определения региональных границ не имеет в науке какого-либо оптимального решения. Но можно указать на три принципиальных подхода к этой проблеме. Первый из этих подходов условно назову "ареальным". В нем регион идентифицируется как пространство, занятое множеством однотипных точечных объектов или явлений, обладающих некоторым аналитически заданным значением или диапазоном значений определенного признака. Второй подход – "структурный". Он требует от пространственного сегмента, претендующего на региональный статус, внутренней упорядоченности, т.е. наличия у очерченных им объектов устойчивых связей, взаимных зависимостей (гидрографическая или транспортная сеть, структуры расселения или обмена). Третий подход – "функциональный". Он предполагает, что связи между входящими в регион объектами должны образовывать некий замкнутый воспроизводственный контур, складываться в пространственно локализуемый функциональный (демографический, производственный, управленческий) цикл как основу автономной региональной системы.

Названные подходы соответствуют различным типам регионов, а иногда – разным стадиям регионогенеза. Их последовательное применение к одному и тому же сегменту пространства позволяет не только зафиксировать его объективные границы, но и оценить степень его региональной зрелости (сложности).

Барбенко Я.А.: Полагаю, что, выбирая основой трансграничных отношений, трансграничности региона именно "сотрудничество", мы многое теряем. В качестве иллюстрации приведу один сюжет на заданную тему. Военное присутствие и политика переселений Российской империи на западных и восточных границах Цинской империи вынуждает последнюю взяться за организацию заселения Маньчжурии, что, в свою очередь, сказывается на интенсификации переселенческой политики на юге Дальнего Востока, и всё это активно развивается на рубеже 70-х – 80-х годов XIX в. Как можно определить характер таких отношений: сотрудничество, конкуренция? В любом случае можно видеть параллельные и связанные процессы, которые формируют трансграничный регион в бассейне Амура. Я бы хотел отметить, что переток политики управления переселением и колонизацией через границу укладывается в концепцию культурного трансфера Мишеля Эспаня⁶, и мы можем расширить наш методологический арсенал, привлекая и такие познавательные средства. Итак, мой вопрос: можно ли сказать, коллеги, что трансфер практик/политик без транслокации людей (она не была значительной) порождает трансграничность? Отвечая на этот вопрос положительно, мы расширяем

⁶ Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М.: НЛЮ, 2018. 816 с.

хронологию трансграничного взаимодействия в бассейне Амура по крайней мере до конца 70-х гг. XIX в.

Леонтьева Э.О.: Это, собственно, и есть институциональный подход. Один из главных тезисов которого подразумевает рецессию институтов и институциональные транзакции. Обмен культурными практиками очень подходит под классическую институциональную парадигму как объяснение возникновения общих пространств.

Украинский В.Н.: Если речь идет о состоянии российско-китайских отношений до рубежа 1880-х – 1890-х гг., то, наверное, главным двигателем развития и с той и с другой стороны был конфликт, потенциальный, во всяком случае. То есть было состояние скорее приграничных территорий, чем трансграничных регионов.

Демьяненко А.Н.: Во-первых, о временных границах. В препринте мы договорились, что мы начинаем с того момента, когда это сотрудничество формирует некие практические выраженные результаты.

Во-вторых, является ли диффузия практик, трансфер практик основанием для трансграничности – да, конечно. Более того, без этого и всё остальное не будет выстроено.

Да, несомненно, были пустующие территории по другую сторону границы и, несомненно, шел процесс колонизации. Да, со своей спецификой, и он начался задолго до конца 90-х годов XIX века, конечно. Мы можем найти исторические предпосылки в XVII веке. И здесь я согласен с Ярославом Александровичем. Но это эпизоды, а сотрудничество в рассматриваемом регионе приобретает системный характер, наверное, всё-таки в конце XIX века.

Барбенко Я.А.: А разве связанность процессов не говорит об их системности? Они были связаны, и не случайно связаны.

Демьяненко А.Н. Полагаю, что ближе к истине Вадим Николаевич: наличие двух приграничных территорий, необходимое, но еще недостаточное условие для формирования трансграничного региона.

Украинский В.Н.: Само сотрудничество – это желаемое состояние системы, которое потенциально предполагает больше выгоды для участников, чем участие в конфликте.

Что же касается вопроса о встроенности в глобальные цепочки ценности, в региональные/глобальные связи, то однотипных ответов здесь нет. В каких-то ДВ не участвует, и в обозримой перспективе, скорее всего, участвовать не будет, в каких-то задействован, но в разных качествах – конечный рынок сбыта, транзитная территория и т.д. Кстати, многие потребительские товары, произведенные в Китае, поступают на ДВ не через "ближнюю" границу, а через московскую таможню.

Демьяненко А.Н.: Теперь, наверное, следует перейти к следующему вопросу, вынесенному на обсуждение – *Трансграничные регионы: сущность и типология* – и предоставить слово Наталье Васильевне Мишиной.

Мишина Н.В.: Начну с того, что в 2008 г. в свет вышла книга П.Я. Бакланова и С.С. Ганзей "Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования"⁷, в которой были обобщены основные результаты трансграничных исследований авторов предыдущих лет. Трансграничные географические структуры являются, по мнению авторов, разновидностью контактных географических структур и формируются двумя основными способами. Первый из них связан с усилением связей и взаимодействий между контактными структурами или их отдельными звеньями по обе стороны от границы, второй – с разделением границей некоторой целостной географической структуры. Если мы конкретизируем данные теоретические положения наличием не просто некой географической границы, а государственной границы между Россией и Китаем, то взаимодействие приграничных территорий Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая и формирование трансграничных территорий (или регионов) на основе трансграничного сотрудничества отражает первый способ формирования трансграничных географических структур. Основным же примером трансграничных географических структур, возникающих при разделении целостных образований государ-

⁷ Бакланов П.Я., Ганзей С.С. Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования. Владивосток: Дальнаука, 2008. 216 с.

ственной границей, являются трансграничные геосистемы. При этом характер и интенсивность хозяйственной деятельности по разные стороны границы, а следовательно, и антропогенная нагрузка на разные части геосистемы может существенно различаться и трансформировать части трансграничной природной системы в неодинаковой степени. В таких условиях приграничные территории соседних стран, где расположены части трансграничной природной системы, оказываются экологически взаимозависимыми и взаимосвязанными, а полноценное решение экологических проблем, часто приобретающих трансграничный характер, возможно лишь в сотрудничестве с сопредельной страной. Характерной чертой приграничных территорий юга Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая является то, что они расположены в нескольких трансграничных бассейнах разного ранга. В первую очередь это бассейн Амура, в котором, кроме провинции Хэйлунцзян, Амурской области и ЕАО, находятся также значительные территории провинции Цзилинь и АО Внутренняя Монголия, Хабаровского, Приморского и Забайкальского краев, а также часть Восточной Монголии. Другими крупными трансграничными бассейнами региона является бассейн р. Уссури с входящим в него водосбором оз. Ханка, бассейны рек Раздольная и Туманная. Однако бассейновый подход является не единственным, используемым для выделения трансграничных геосистем, тем более что бассейны крупных рек имеют высокую степень региональной и типологической неоднородности.

В 2000-х гг. на приграничных территориях южной части Дальнего Востока России и Северо-востока КНР было проведено индивидуально-типологическое районирование и выделено 8 трансграничных геосистем ранга физико-географических провинций. В отличие от бассейновых структур, они представляют собой природные комплексы с относительно однородными почвенно-растительными и геоморфологическими условиями, общей историей геологического развития. Общей чертой всех российско-китайских трансграничных геосистем является то, что на протяжении XX века они подверглись значительной антропогенной трансформации, интенсивность и характер которой существенно различались по разные стороны российско-китайской границы. Поэтому выявление общих и специфических черт, присущих структурам землепользования в трансграничных геосистемах российского Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая, анализ их исторической и современной динамики имеет большое значение как для понимания актуальной экономико-экологической ситуации на сопредельных территориях, так и для планирования их хозяйственного развития.

Демьяненко А.Н.: Наверное, мне придется перевести с географического языка на общедоступный некоторые положения сообщения Н.В. Мишиной. Здесь нужно понять, что является основой подхода, который предлагает П.Я. Бакланов и С.С. Ганзей. Таковой является концепция геосистем, предложенная еще в конце 1960-х – начале 1970-х годов Б.В. Сочавой. Суть этой концепции заключается в применении методологии общей теории систем к исследованию территориальных природных комплексов. П.Я. Бакланов и С.С. Ганзей в упоминавшийся работе (и не только), которая носила оценочный характер на предмет устойчивого природопользования, развивали тезис, согласно которому целостность международных приграничных территорий усиливается, если в их основе лежит целостная природная система. И вот здесь возникает очень важный вопрос с точки зрения нашего сегодняшнего обсуждения. Когда в 50-е годы действительно было сотрудничество по обе стороны границы, в том числе в сфере сельского хозяйства, землепользования, то наши китайские друзья приезжали на территорию наших колхозов и объясняли им, как надо выращивать те или иные, скажем, овощные культуры. Это я могу понять: один и тот же ландшафт по ту и другую сторону реки Уссури. Приехали, показали, как это используется более эффективно с точки зрения выращивания тех или иных сельскохозяйственных культур. Сейчас что-то подобное происходит или нет? Или всё это прошло только на уровне оценочных суждений и предположений?

Мишина Н.В.: На уровне оценочных суждений.

Демьяненко А.Н.: Вы говорили, что было реализовано несколько проектов. Это как раз пример сотрудничества. Я просто хотел понять, что-то из предложенных программных вещей было реализовано? Если да, то какие?

Мишина Н.В.: Не могу сказать за китайскую сторону. Думаю, на российской территории до практической реализации дело не дошло.

Демьяненко А.Н.: А теперь попробуем сменить исследовательскую оптику в изучении трансграничных регионов Российского Дальнего Востока, скажем так, с геосистемной на социально-гуманитарную.

Киреев А.А.: То, что РДВ, несмотря на сравнительную отсталость, является субстратом для многих и разнообразных процессов трансграничной регионализации, на мой взгляд, прямо обусловлено типологической спецификой этого макрорегиона. В 2011 г. в своей книге о дальневосточной границе⁸ я определил РДВ как "околограничный" регион. Дело в том, что РДВ существенно отличается по пространственной структуре от большинства других регионов России. Эти регионы, особенно в европейской части страны, имеют обычно внутренний социально-экономический центр и внешнюю периферию, располагающуюся вдоль административной или государственной границы. Такая структура этих регионов является результатом длительного колониального движения в относительно однородном пространстве, расходящегося более или менее равномерно по радиальным направлениям из центральной области. Напротив, на РДВ первоначальные центры колонизации исторически формировались вблизи государственных границ региона (прежде всего сухопутных, в меньшей степени – морских), и дальнейшее освоение распространялось из приграничья в "глубинку" (хинтерланд), во внутреннюю периферию. Эта перевернутая структура – из внешних, приграничных центров и внутренней, интраграничной периферии – была следствием как изначального приоритета военно-политических задач колонизации РДВ, так и высокой неоднородности ландшафтно-климатических условий этого региона. Сегодня такая исторически сложившаяся структура дальневосточного региона по-прежнему ярко проявляется в существовании в его внутренних районах огромных социально-экономических "пустошей". Вместе с тем именно подобная организация регионального пространства дает РДВ непропорционально большие (для его скудного демографического и экономического потенциала) возможности участия в процессах трансграничного взаимодействия и регионализации.

Леонтьева Э.О.: В контексте дискуссии о разных векторах процесса регионообразования: трансграничные регионы образуются в том числе в результате взаимодействия негосударственных акторов "снизу". Именно этот параметр – интенсивность трансграничных связей между социальными субъектами разного уровня – позволяет говорить о существовании таких регионов.

Таким образом, трансграничный регион локализуется не столько пространственно-географически, сколько силой социальных связей – здесь напрашивается добавление: силой слабых связей, по-новому актуализирующей ставшую уже классической концепцию М. Грановеттера, то есть того, что можно назвать трансграничным притяжением в разных сферах. Соответственно, его исследователи могли бы консолидироваться в общем поле составления панорамной картины таких связей, которая бы составила комплексное знание о трансграничном регионе.

Киреев А.А.: Мы сейчас говорим только о российско-китайских взаимоотношениях. А ведь у нас еще были заявлены российско-японские и российско-американские. Для них, на мой взгляд, акцентированное Ярославом Александровичем понятие конкурентного развития ещё более значимо, чем для российско-китайского случая.

Демьяненко А.Н.: Действительно, Антон Александрович, прав. Попробуем, насколько хватит у нас времени, осветить этот вопрос.

Бляхер Л.Е.: За постсоветскую историю было три направления, где потенциально могло возникнуть трансграничье. Во-первых, пространство "Чукотка–Аляска". Экономический интерес здесь явно присутствовал. В связи с ним возникали новые маршруты авиаперевозок, множество контактов на культурном уровне (города-побратимы, всевозможные научные и художественные мероприятия и др.). Однако в виду того, что само пространство потенциального трансграничья было не особенно ориентировано на коммуника-

⁸ Киреев, А.А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX – начало XXI вв.). Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. 474 с.

цию, а те сообщества, для которых эта коммуникация была важна, проживали на расстоянии в много тысяч километров от потенциального трансграничья, последнее не сложилось. Охлаждение отношений между странами (Россия и США) закрыло это потенциально возможное направление.

Другая возможность формирования трансграничья возникает в постсоветский период между о. Сахалин с Курильской грядой и Японией, точнее, Хоккайдо. Однако здесь явно доминировал политический фактор. Неформальная торговля морскими биоресурсами, описанная в ряде работ, происходила в нейтральных водах и не приводила к возникновению устойчивой трансграничной коммуникации. Усложнение политического положения ставит под вопрос и это трансграничье. Единственное направление, сохраняющееся до настоящего времени – подержанные машины. Но и здесь ситуация меняется в худшую сторону.

Пожалуй, единственное пространство, где дальневосточное трансграничье за постсоветский период сформировалось – это пространство трех южных территорий Дальнего Востока России (Приморье, Хабаровский край и Амурская область) и трех сопредельных провинций КНР.

И в период, когда едва ли не на официальном уровне говорилось о "желтой угрозе" и "ползучей экспансии", и в период объявленного "поворота на Восток" эта коммуникация сохранялась. Она принимала разные формы (от гастарбайтеров до научного туризма и создания совместных бизнес-структур), но оставалась. Причин здесь несколько. Важно, что именно здесь имеет место наиболее удобный вариант логистики через Амур, с помощью сети рек, входящих в его бассейн. Создаваемая в тесном контакте с Транссибом КВЖД тоже выступала связующим фактором, как и давний опыт контактов с сопредельной территорией, хоть и потрясенный в советские годы, но не вытесненный полностью.

Существовала и существует совершенно очевидная экономическая заинтересованность в контактах. Но главное, что следует отметить, в пространстве, примыкающем к российско-китайской границе, сложилось особое сообщество – сообщество трансмигрантов. Под термином трансмигрант мы понимаем социального агента, проживающего на территории иного государства, но сохраняющего связи с точкой исхода и сообществом исхода. Как показывает эмпирический материал, собранный автором и Э.О. Леонтьевой, в конце эмпиев, такие трансмигранты оказываются не "двудомным растением", но удивительными социальными персонажами, живущими между домами. Они и задают особое социальное пространство трансграничья, отличное и от социального пространства российского Дальнего Востока, и от социального пространства Северного Китая. Они выступают посредниками в коммуникации, проводниками в мир по ту сторону границы.

Сегодня российско-китайское приграничье начинает поддерживаться и в рамках властного дискурса, официальной политики. Однако проблема в том, что структура этого трансграничного образования, при всем обилии исследований, изучена не особенно тщательно, имеет множество "белых пятен". Это создает угрозу, что поддержка, основанная на мифах, может стать опаснее, чем, к счастью, исчезнувшее "противодействие ползучей экспансии".

Демьяненко А.Н.: Я согласен с Борисом Ефимовичем, что на ДВ существует как минимум три локации, в пределах которых есть основания предполагать наличие или потенциальную возможность формирования трансграничных регионов. Но полагаю, что следует сместить исторические границы и не ограничиваться исключительно постсоветским периодом российской истории.

Так как о российско-китайском сотрудничестве уже было сказано немало, то очень коротко о российско-японском, которое имеет достаточно длительную историю. Напомню, что с конца XIX в. имело место совместное освоение биологических ресурсов акваторий Охотского и Берингового морей у берегов Сахалина и Камчатки. А своего рода базами снабжения, в том числе и российских рыбопромышленников, были японские порты (Хакодате в первую очередь).

Что касается Берингии, то, действительно, в настоящее время не приходится говорить о сколько-нибудь значимом сотрудничестве в этой локации. Показательно, что в монографии "Дальневосточная и Тихоокеанская Аркти-

ка⁹, российско-американское сотрудничество свелось к обеспечению безопасного судоходства в Беринговом проливе. Но опять-таки, если вспомнить о Русской Америке¹⁰, то, оказывается, были и, риску предположить, все еще есть предпосылки трансграничных взаимодействий.

Говоря о сценариях будущих состояний трансграничных регионов ДВ, следует начинать с оценки геополитических факторов, при этом отдавая отчет в том, что геополитическая ситуация отличается высоким уровнем не только динамизма, но и непредсказуемости. В обозримой перспективе сценарии будут определяться, с одной стороны, выбором внешнеполитического вектора российского государства (Восток, Запад или Восток-Запад), а с другой – мегатрендами в глобальной системе международных отношений.

И, наконец, последнее по списку, но не по значимости: большое спасибо М.В. Клиценко за организацию круглого стола и особо за организацию режима видеоконференции с коллегами из Владивостока.

Информация об авторах

Ярослав Александрович Барбенко, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: prohist@ya.ru

Леонид Ефимович Бляхер, д-р филос. наук, профессор кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: Leonid743342@mail.ru

Александр Николаевич Демьяненко, д-р геогр. наук, Хабаровск, Россия, e-mail: ad716008@mail.com

Антон Александрович Киреев, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: antalkir@yandex.ru

Эльвира Октавьевна Леонтьева, д-р соц. наук, директор Высшей школы международных исследований и дипломатии Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: elvira.leontyeva@gmail.com

Наталья Васильевна Мишина, канд. геогр. наук, научный сотрудник информационно-картографического центра Тихоокеанского института географии ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: mishina@tig.dvo.ru

Вадим Николаевич Украинский, канд. экон. наук, научный сотрудник сектора генезиса теорий пространственной экономики Института экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, e-mail: ukrainsky@ecrin.ru

Илдус Файзрахманович Ярулин, д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник Высшей школы международных исследований и дипломатии Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: iarulin@mail.ru

Information about the authors

Yaroslav A. Barbenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: prohist@ya.ru

Leonid E. Blyakher, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Pacific State University, Khabarovsk, Russia, e-mail: Leonid743342@mail.ru

Alexander N. Demyanenko, Doctor of Geographical Sciences, Khabarovsk, Russia, e-mail: ad716008@mail.com

Anton A. Kireev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: antalkir@yandex.ru

Elvira O. Leontyeva, Doctor of Sociology, Director of the Graduate School of International Studies and Diplomacy, Pacific State University, Khabarovsk, Russia, e-mail: elvira.leontyeva@gmail.com

Natalya V. Mishina, Candidate of Geographical Sciences, Researcher, Information and Cartographic Center, Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: mishina@tig.dvo.ru

Vadim N. Ukrainsky, Candidate of Economics, Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia, e-mail: ukrainsky@ecrin.ru

Ildus F. Yaruln, Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Graduate School of International Studies and Diplomacy, Pacific State University, Khabarovsk, Russia, e-mail: iarulin@mail.ru

Поступила в редакцию 01.07.2023

Received 01.07.2023

Принята к публикации 24.08.2023

Accepted 24.08.2023

⁹ Дальневосточная и Тихоокеанская Арктика: на перекрестке двух океанов и континентов Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2021. 248 с.

¹⁰ История Русской Америки (1732–1867). Том I-III. Основание Русской Америки (1732–1799). М.: Международные отношения, 1997.